

Р. Г. СААКЯН

К ВОПРОСУ О СОВЕТСКО-ТУРЕЦКОМ ДОГОВОРЕ 1925 ГОДА

Договор о ненападении и нейтралитете, заключенный между Советским Союзом и Турцией 17 декабря 1925 г., слабо освещен в нашей исторической литературе. В работах советских авторов по новейшей истории Турции этому вопросу (и вообще советско-турецким взаимоотношениям) уделено незаслуженно мало места. Между тем, вся история советско-турецких отношений и, в частности, рассматриваемого периода как в турецкой, так и в западной буржуазной историографии освещается тенденциозно, а очень часто грубо фальсифицируется.

Турецкие политические деятели и историки в своих работах либо просто умалчивают значение договора для Турции, «забывая» при этом о положительной оценке, данной самой же турецкой прессой того времени, либо, вопреки истине, заключение договора объясняют страхом Советского Союза перед блоком капиталистических государств. Так, например, реакционный турецкий журналист Ахмед Шюкрю Эсмер в своей книге «Siyasi tarih» пишет, что Советский Союз заключил договор перед страхом Локарно¹, пытаясь скрыть тот факт, что в заключении договора была прежде всего заинтересована сама Турция. Подобное ложное объяснение он дает и в статье, опубликованной в газете «Улус»². Грубо

¹ Ahmet Şükrü Esmer, Siyasi tarih (1919—1939) Ankara, 1953, s. 33.

² См. «Ulus» 21/X 1957.

Подробно об этом см. А. Ф. Миллер, Против фальсификации истории советско-турецких отношений. По поводу статьи Ахмеда Шюкрю

фальсифицирует историю советско-турецких отношений начала 20-х годов и бывший посол Турции в Москве генерал Али Фауд Джебесой¹.

Английские историки советско-турецкому договору дают противоречивые и односторонние оценки. Одни авторы считают договор победой турецкой дипломатии², другие—дипломатическим успехом Г. В. Чичерина³ или же утверждают, будто Советское правительство воспользовалось спором, возникшим между Великобританией и Турцией из-за Мосула⁴. Английский историк Арнольд Тойнби, написавший совместно с К. Керквудом большую книгу о Турции, наоборот, признает, что Чичерин не воспользовался благоприятной возможностью, создавшейся для него решением Лиги наций о Мосуле⁵. В книге другого английского автора—Эдуарда Верс-Ходжа—о внешней политике Турции 1918—1948 гг. просто утверждается, что Турция, имевшая в то время в лице Великобритании «ненавистного империалистического врага, вынуждена была вернуться к своему русскому якорю». Не разобравшись в сложившейся тогда обстановке автор пишет, что «подписание этого пакта может показаться странным в свете отказа турецкой республики допустить распространение большевистской доктрины в Турции»⁶.

Работы французских авторов⁷ более поверхностны, носят компилятивный характер; о советско-турецких взаимоотношениях говорится очень мало, в общих чертах. В объемистой книге французского историка Дюрозеля, посвящен-

Эсмера в газете „Улус“, „Международная жизнь“, 1958, № 2, стр. 103—106, его же, Еще раз об исторических экскурсах Эсмера, „Международная жизнь“, 1958, № 6, стр. 108—111.

¹ См. *Ali Fuat Cebesoy*, *Moskova hatıraları* (21/11 1920—2/6 1922) İstanbul, „Vatan“ Neşriyatı, 1955.

² *G. L. Lewis*, *Turkey*. London, 1957, p. 114.

³ „Survey of International Affairs“, Vol. I, London, 1927, p. 525.

⁴ См. „Documents on International Affairs, 1928“. Ed. by *Johon W. Wheeler-Bennett*, London, 1929. p. 199.

⁵ *Arnold J. Toynbee and Kenneth P. Kirkwood*, *Turkey*, London, 1926, p. 291.

⁶ *Edward Reginald Vere-Hodge*, *Turkish Foreign Policy (1918—1948)*, Genève, 1950, pp. 63, 71.

⁷ См. напр. *Gentizon, Paul*. *Mustafa Kemal ou l' Orient en marche*, Paris, 1929, *Philippe de Zara*. *Mustapha Kemal dictateur*, Paris, 1936.

ной истории дипломатии новейшего периода, советско-турецкий договор вовсе не разбирается¹. Освещение же договора на страницах французского ежемесячника «L'Asie française» крайне тенденциозное. Повторяя избитую ложь об идентичности советской внешней политики с царской, журнал пишет, что Турция выбрала наименьшее зло, заключив соглашение с Россией, «несмотря на опасность, могущую угрожать ее независимости»².

Что касается работ, изданных в США, то в них тенденциозно толкуются как отношения Турции с Советским Союзом, так и с другими странами. В этих работах много говорится об американской «филантропии», всячески восхваляется «помощь» Соединенных Штатов Турции³. Значение договора в этих работах раскрывается односторонне, без тщательного анализа фактов, конкретной обстановки. Так, например, Гарри Говард пишет, что «решение Лиги наций о Мосуле бросило Турцию в открытые объятия Советской России, которая в случае войны ввела бы свои войска на территорию Турции и оставила бы там»⁴.

Однако имеются и такие авторы, которые признают, что договор был заключен именно в тот момент, когда решения Локарнской конференции с одной стороны, и Лиги наций—с другой взаимно были направлены против СССР и Турции⁵.

В вышедшей в 1953 г. книге Крейга и Джильберта «Дипломаты» есть главы, посвященные Г. В. Чичерину и М. М. Литвинову, т. е. советской внешней политике того периода. Авторы вынуждены признать, что «Советская Россия поддержала кемалистскую Турцию в ее борьбе с западными державами»⁶.

¹ См. J.-B. Duroselle, *Histoire diplomatique de 1919 à nos jours*. Paris, 1953.

² «L'Asie française», Août-Septembre 1926, p. 271.

³ См. Ross, F. *The Near East and American Philanthropy*, New York, 1929.

⁴ Harry N. Howard, *The Partition of Turkey. A Diplomatic History 1913—1923*. Oklahoma, 1931, pp. 339, 342.

⁵ См. J. C. Hurewitz, *Diplomacy in the Near and Middle East. A Documentary Record: 1914—1956*, Princeton, 1956, p. 142.

⁶ Cordon A. Craig and Felix Gilbert, *The Diplomats 1919—1939*, Princeton, 1953, p. 266.

О важном значении советско-турецкого договора в деле обеспечения мира и безопасности говорит американский профессор М. В. Грэхэм, опубликовавший большую статью в журнале «International Conciliation», посвященную советской политике безопасности¹.

В настоящей статье мы ставим задачу показать подлинное значение советско-турецкого договора 1925 г. как в деле укрепления и развития дружественных отношений между СССР и Турцией и защиты интересов обеих стран, так и для упрочения безопасности и мира на всем Ближнем Востоке.



Международная обстановка, сложившаяся к концу 1925 г., была чревата опасностью возникновения новых конфликтов и организации интервенции против Советского Союза.

В резолюции XIV съезда партии (декабрь 1925 г.) отмечалось: «Относительная стабилизация и так называемое «замирение» Европы под гегемонией англо-американского капитала привели к целой системе экономических и политических блоков, последним из которых является конференция в Локарно и так называемые «гарантийные договоры», острием своим направленные против СССР.

Эти блоки и договоры, прикрываемые якобы пацифистской Лигой наций и фальшивой шумихой II Интернационала о разоружении, означают по сути дела не что иное, как расстановку сил для новой войны»².

К этому времени Советский Союз завершил восстановление народного хозяйства и приступил к осуществлению программы социалистической индустриализации страны. Поэтому главная задача Советского правительства в области международных отношений состояла в том, чтобы обеспечить максимально благоприятные внешнеполитические условия для социалистического строительства и прежде всего — индустриализации страны. А это означало активную борьбу за сохранение мира, против попыток сколачивания

¹ См. *Malbone W. Graham, The Soviet Security System, „International Conciliation“, September 1929, № 252, pp. 360—376.*

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. II, М., 1954, стр. 194—195.

всевозможных антисоветских блоков капиталистических государств.

Заключенные в октябре 1925 г. Локарнские соглашения имели резко выраженный антисоветский характер. «Урегулирование» отношений с Германией нужно было для создания «объединенной» Европы против СССР. Обеспечив тыл Германии и отказавшись от гарантий западных границ Польши и Чехословакии, авторы Локарнских соглашений, английские и французские империалистические круги и их закулисные вдохновители—финансовые магнаты США, давали понять германским империалистам, что ради агрессии против СССР эти страны могут быть принесены в жертву.

Однако английские гарантии и «умиротворение» Западной Европы нужны были Англии не только для ведения более активной антисоветской политики. Обеспечение максимума «спокойствия» в Европе развязывало Англии руки, давало ей возможность освободить свои силы для борьбы на Востоке, в частности для оказания сильного давления на страны Ближнего Востока с целью их вовлечения во всякого рода империалистические и антисоветские блоки. Заключение Локарнских соглашений способствовало усилению позиций английского империализма на Востоке, поэтому эти соглашения были направлены безусловно и против стран Востока, следовательно, и против интересов Турции.

Турецкая официальная газета «Миллиет» писала по этому поводу: «Нами до сих пор еще не постигнуты те тайные и коварные помыслы, долженствующие быть направленными против Востока, наличие коих интуитивно нами осознано»¹.

Однако в тот период усилия английской дипломатии, направленные на вовлечение Турции в орбиту своей антисоветской политики, на включение ее в общий антисоветский фронт, оказались бесплодными. Намерения Англии натолкнулись на серьезные препятствия. В тот период англо-турецкий конфликт из-за Мосула обострился до такой степени, что пресса обеих стран открыто писала о возможности войны между Великобританией и Турцией. Англия, которая заняла Мосульский вилайет после 30 октября 1918 г., т. е.

¹ Цит. по ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 2, ед. хр. 60, л. 49.

после подписания Мудросского перемирия, включив этот район в состав подмандатного ей Ирака, теперь не собиралась уступить Мосул Турции, тем более, что к этому времени огромные потенциальные возможности мосульской нефти были налицо.

В указанный период и внутреннее положение Турции было не совсем устойчивым. Правящие круги, воспользовавшись мятежом шейха Саида, с особой жестокостью преследовали курдских крестьян, безжалостно уничтожали десятки тысяч курдов, сжигали с землей сотни курдских деревень. Но свободолюбивый курдский народ не покорился. В Курдистане партизанская война продолжалась. Ссылаясь на связи прогрессистов с шейхом Саидом, кемалистское правительство в июне 1925 г. вынесло постановление о роспуске прогрессивно-республиканской партии и закрыло все ее местные отделения, но оппозиция не прекратила своей деятельности, используя при этом тяжелое состояние экономики и финансов страны.

В несравненно затруднительном положении была Турция в области международной политики. Английское правительство оказывало сильное давление на Турцию в связи с Мосулом.

Вопрос о Мосуле был предметом длительных споров на Лозаннской конференции в 1922—1923 гг. В результате в статье 3 Лозаннского договора было включено постановление о том, что «граница между Турцией и Ираком будет полюбовно определена между Турцией и Великобританией в девятимесячный срок. При отсутствии согласий между обоими правительствами в предусмотренный срок, спор будет внесен в Совет Лиги наций»¹.

Двусторонние англо-турецкие переговоры в Стамбуле (Стамбульская конференция, апрель—май 1924 г.) не привели к соглашению. После провала Стамбульской конференции английское правительство 10 августа 1924 г. внесло вопрос на обсуждение Совета Лиги наций. 25 августа турецкое правительство приняло приглашение Совета участвовать в обсуждении вопроса, 29 октября 1924 г. Совет

¹ «Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне». Литизлат НКВД, М., 1927, стр. 145.

Лиги наций вынес решение об установлении демаркационной линии (так называемая «Брюссельская линия»), в общем сохраняющей статус кво, который существовал 24 июля 1923 г., т. е. в день подписания Лозаннского договора. Одновременно Совет Лиги образовал комиссию из трех членов для расследования вопроса на месте.

В сентябре 1925 г. комиссия представила Совету Лиги свой отчет, который носил двойственный и противоречивый характер. С одной стороны, комиссия признавала, что юридически мосульский вилайет должен значиться как неотъемлемая часть территории Турции, пока она не отказывалась от своих прав на нее, и что, следовательно, у Ирака нет никаких юридических прав на Мосул¹, с другой,—исходя из «потребностей нормального развития Ирака», она рекомендовала присоединить Мосул к Ираку, если мандат над ним на последующие 25 лет останется за Лигой наций, т. е. фактически за Англией.

Выступая по этому вопросу на 35-й сессии Совета Лиги наций, министр иностранных дел Турции Тевфик Рюштю-бей заявил, что мандатарный режим нельзя применить в отношении Мосульского вилайета, если суверенитет над ним все еще сохраняется за Турцией².

Ввиду отказа Турции признать обязательным арбитраж Лиги наций, Совет Лиги 19 сентября 1925 г. постановил запросить мнение Постоянной Палаты Международного Суда в Гааге—устанавливает ли Лозаннский договор обязательную силу за решением Совета Лиги по мосульскому вопросу для обеих сторон? Британская делегация согласилась на это, но турецкая категорически заявила, что не видит причины для передачи вопроса Постоянной Палате. Мало того, турецкое правительство направило Гаагской Палате официальный протест против разбирательства последней мосульского вопроса, являющегося вопросом политическим и, следовательно, не подведомственным Палате. Однако палата не приняла во внимание турецкий протест и 21 ноября 1925 г. вынесла заключение о том, что Совет Лиги наций на основа-

¹ См. La question de Mossoul à la 35 me Session du Conseil de la Société des Nations (Genève), Lausanne, 1925, p. 108.

² См. там же, стр. 56.

нии Лозаннского договора правомочен установить границу между Турцией и Ираком и что это решение должно быть обязательным для спорящих сторон¹.

В ноте от 8 декабря Совету Лиги наций турецкое правительство заявило о недействительности этого постановления Гаагского Международного Суда. Несмотря на это, Совет Лиги наций на своем заседании 16 декабря 1925 г. вынес решение, устанавливающее границу между Турцией и Ираком в основном по Брюссельской линии. Англии был дан шестимесячный срок для заявления о своем согласии продлить мандат на Ирак на 25 лет. Одновременно Англии предлагалось заключить с Турцией соглашение об экономических отношениях и о статусе Мосула².

Турция отказалась принять это решение Совета Лиги наций, которое, как отмечает английский автор Эд. Вере-Ходж, «круто повлияло на турецкое общественное мнение... Антибританские настроения достигли новой высшей точки... Великобритания еще раз стала ненавистным империалистическим врагом...»³.

Однако натянутыми были отношения Турции не только с Англией, но и с двумя другими крупными империалистическими державами—Италией и Францией.

Итальянский фашизм не раз открыто демонстрировал свои империалистические вожеления. Жалуясь на перенаселенность, Италия указывала на территориальные приобретения в Малой Азии как разрешение этого вопроса. Турецкая пресса с тревогой сообщала о концентрации итальянских войск на Родосе и Сицилии.

Продолжали оставаться заостренными и франко-турецкие противоречия, основными из которых являлись вопросы об Оттоманском долге и о турецко-сирийской границе. Хотя Турция на Лозаннской конференции формально признала долги, по-прежнему оставались неразрешенными вопросы о сроках и порядке уплаты взносов, в какой валюте Турция

¹ См. Л. Иванов, Лига наций, М., 1929, стр. 88.

² „Дипломатический словарь“, т. II, Госполитиздат, М., 1950 стр. 188.

³ Edward Reginald Vere-Hodge, Turkish Foreign Policy (1918—1948), p. 63.

должна погашать долги и т. д. А интересами крупных французских капиталистов-банкиров и определялась в основном политика Франции в отношении Турции. Вопрос о сирийской границе также на протяжении нескольких лет служил источником серьезных трений между обеими странами.

В этот критический для Турции период Советский Союз оказался единственной державой, которая поддержала Турцию. В то время как Англия неоднократно демонстрировала свое намерение разрешить вопрос о Мосуле путем войны, угрожала Турции англо-итало-греческой коалицией¹. СССР заявил о своей поддержке Турции.

«Английской враждебности к Турции Советы противопоставляли постоянное одобрение турецкой точки зрения», — писал отнюдь недружелюбно настроенный к Советскому Союзу французский ежемесячник «*L'Asie française*»².

Таким образом, анализ сложившейся к концу 1925 г. международной обстановки убедительно показывает, что в тот период крайне ухудшилось международное положение Турции, которая оказалась полностью изолированной. Поэтому заключение договора о ненападении и нейтралитете с великой соседней державой — Советским Союзом — имело большое значение для укрепления международных позиций Турции.

Нельзя, конечно, предполагать, будто в отношении Советского Союза Турция вела такую же искреннюю и последовательно дружественную внешнюю политику, какой отличалась политика миролюбивого социалистического государства. Классовая сущность кемалистов сказывалась в противоречивости и непоследовательности их внешней политики. Турецкая буржуазия часто маневрировала между СССР и капиталистическими странами Европы, пыталась договориться с ними даже в тех случаях, когда это шло вразрез с политикой дружбы с СССР, которую она на словах считала основой своей внешней политики.

¹ Jean Pichon, *Le partage du Proche-Orient*. Paris, 1938, p. 247.

² «*L'Asie française*», Août-Septembre 1926, p. 271.

Однако англо-турецкие противоречия, агрессивная политика английской дипломатии и, в противовес этому, активная миролюбивая политика СССР в отношении Ближнего Востока убедили правящие круги Турции, что без поддержки Советского Союза нельзя укрепить самостоятельность и международный престиж Турецкой республики. Ведь в то время как империалистические страны вели наступление на Турцию, Советский Союз оставался единственной великой державой, неизменно дружественно и бескорыстно относившейся к ней. Усилия кемалистов, направленные на ослабление позиций империализма в Турции, всегда встречали полную поддержку и одобрение со стороны Советского Союза.

Такова была международная обстановка, когда 17 декабря 1925 г., т. е. на следующий день после постановления Совета Лиги наций по мосульскому вопросу, в Париже был подписан договор о дружбе и нейтралитете¹ между СССР и Турецкой республикой. Договор подписали: от имени правительства СССР народный комиссар по иностранным делам Г. В. Чичерин и от имени турецкого правительства — министр иностранных дел Тевфик Рюштю-бей.

Советско-турецкий договор о дружбе и нейтралитете состоял из трех статей и трех протоколов к ним.

Статья первая гласила:

«В случае военного выступления против одной из договаривающихся сторон со стороны одной или нескольких третьих держав другая договаривающаяся сторона обязуется соблюдать нейтралитет по отношению к первой»².

В условиях напряженности и враждебности в отношениях между Турцией и Великобританией, которая угрожала ей войной, эта статья договора имела важное значение для Турции. Твердое, открытое заявление Советского Союза о своем нейтралитете в случае возникновения военного конфликта укрепляло позиции Турции.

¹ Несмотря на такое название, в литературе этот договор очень часто встречается как договор «о ненападении и нейтралитете», и это точнее отражает содержание договора, в котором четко определялось обязательство сторон взаимно воздерживаться от всякого нападения друг на друга.

² «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. 3 стр. 32, М., 1945.

Таким образом, если исходить из конкретной обстановки, становится очевидно, что эта статья имела очень важное значение для Турции, ибо именно на Турцию готовилось нападение со стороны Англии; поэтому нейтралитет Советского Союза был скорее нужен Турции, чем СССР. Высказывания турецких авторов о том, что якобы Советский Союз заключил это соглашение из страха перед Локарно, являются фальсифицированными оценками, искажающими действительную картину.

С другой стороны, нейтралитет Турции был выгоден Советскому Союзу, ибо Турция обязывалась соблюдать нейтралитет при всех военных выступлениях, которые могли иметь место со стороны агрессивных империалистических государств против СССР.

Однако статью о нейтралитете не следует рассматривать в узком плане. Отличаясь от соответствующих статей прежних договоров ясной и четкой формулировкой нейтральной позиции одной из сторон при нападении на другую, она тем самым обязывала договаривающиеся стороны придерживаться определенной политики, независимо от обстоятельств, которые могли сложиться по-иному в будущем. Таким образом, нейтралитет этот не оговаривался какими-либо условиями.

В статье второй договора было сказано:

«Каждая из договаривающихся сторон обязывается воздерживаться от всякого нападения на другую; она равным образом обязывается не принимать участия ни в каком союзе или соглашении политического характера¹ с одной или несколькими третьими державами, направленном против другой договаривающейся стороны, равно как ни в каком союзе или соглашении с одной или несколькими третьими державами, направленном против военной или морской без-

¹ В протоколе 2 отмечалось, что «выражение политического характера, упомянутое в статье 2 договора, ... следует понимать как охватывающее также и все финансовые и экономические соглашения между какими-либо державами, направленные против другой договаривающейся стороны». Это уточнение имело существенное значение, ибо оно обязывало не участвовать в попытках экономического или финансового бойкота или блокады, которым могла подвергнуться одна из договаривавшихся сторон иностранными империалистическими державами.

опасности другой договаривающейся стороны. Кроме того, каждая из обеих договаривающихся сторон обязывается не участвовать ни в каком враждебном акте одной или нескольких третьих держав, направленном против другой договаривающейся стороны»¹.

По статье второй, как видим, на договаривающиеся стороны налагалось не одно, а несколько обязательств.

Взаимное обязательство сторон не нападать друг на друга объявляло войну вне закона. Включение этой статьи в договор о дружбе и нейтралитете послужило хорошим началом и основой для утверждения принципа ненападения в международном праве, в отношениях между государствами с различными экономическими и политическими системами. Этой статьей впервые в международной практике четко и точно фиксировалось обязательство договаривающихся сторон о взаимном ненападении. В прежних договорах: о «вечном мире», о дружбе, о взаимной помощи, нейтралитете и других, ненападение только подразумевалось, поэтому они не могли быть рассмотрены как договоры о ненападении².

С другой стороны, важное значение имело обязательство сторон не принимать участия ни в каком союзе или соглашении, направленном против военной или морской безопасности одной из сторон. Тем самым резко уменьшались возможности локарных сделок и комбинаций на Ближнем Востоке, ибо Турция, которой английская дипломатия отводила особое место среди ближневосточных стран в деле ее вовлечения в общий антисоветский фронт, обязывалась не участвовать в подобных комбинациях. Больше того, она обязывалась не участвовать ни в каком враждебном акте, который мог быть направлен против своего великого соседа — Советского Союза.

Таким образом, обе договаривающиеся стороны брали на себя четкие и конкретные обязательства не принимать участие в каких бы то ни было враждебных актах, направленных против одной из них, — не только в военных и политических, но и в экономических и финансовых.

¹ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. 3, стр. 32.

² См. *Г. В. Шармазанов*, Принцип ненападения в международном праве. Изд. АН СССР, М., 1958, стр. 23.

Все содержание статьи 2 о ненападении и неучастии во враждебных группировках было новым важным моментом в практике международных отношений. В последующих договорах Советского Союза с капиталистическими государствами принцип ненападения получил дальнейшее развитие.

Большую важность этой статьи договора признают даже те авторы, которые явно тенденциозно освещают советско-турецкий договор, например упомянутый выше английский автор Эд. Вере-Ходж¹.

Статья 3 договора была посвящена установлению сроков его действия. В ней говорилось, что договор «вступает в силу с момента его ратификации и будет находиться в силе три года. После этого договор будет признаваться автоматически продленным на годичный срок, если какая-либо из договаривающихся сторон не предупредит за 6 месяцев до истечения срока его действия о своем желании прекратить его».

Важное значение имели прилагаемые к договору протоколы.

О значении Протокола 2 было сказано выше. Что касается других двух протоколов, то Протокол 1 констатировал, что «каждая из договаривающихся сторон сохраняет полную свободу действий, поскольку то касается ее всякого рода отношений с третьими державами вне пределов обязательств, условия коих установлены в настоящем договоре».

В Протоколе 3 к договору стороны декларировали о том, что они «равным образом обязуются предпринять переговоры для установления порядка урегулирования разногласий, которые могли бы возникнуть между ними и которые не могли бы быть улажены обыкновенным дипломатическим путем»². Тем самым договор подтверждал готовность обеих сторон—СССР и Турции разрешать мирным путем—

¹ *Edward Reginald Vere-Hodge, Turkish Foreign Policy (1918—1948)* Geneva, 1950, p. 71.

² „Внешняя политика СССР. Сборник документов“, т. 3, стр. 32.

путем переговоров—всякие разногласия, споры, конфликты, которые могли бы возникнуть между ними впоследствии.

Таким образом, договаривающиеся стороны обязывались не прибегать к силе для разрешения спорных вопросов, что имело исключительное значение для укрепления дела мира, в частности в районе Ближнего и Среднего Востока. Такое обязательство государств—разрешить все спорные вопросы путем переговоров—сыграло весьма положительную роль в деле предотвращения агрессии. Оно приобрело еще большую актуальность в наши дни, когда крупные империалистические державы не проявляют желания брать на себя подобные обязательства, разумные и необходимые для сохранения мира.



Заключение советско-турецкого договора было встречено в Советском Союзе с большим удовлетворением. Советская общественность видела в договоре не только закрепление добрососедских и дружественных отношений между близкими соседями, но и эффективное средство в деле упрочения мира и безопасности на Ближнем и Среднем Востоке.

Советской общественности были хорошо известны настоячивые попытки империалистических кругов Запада и в первую очередь Англии—не только помешать турецко-советскому сближению, но и включить Турцию в орбиту антисоветской политики.

Такие попытки со стороны западной дипломатии предпринимались еще задолго до окончательного решения Совета Лиги наций по мосульскому вопросу.

В сентябре 1924 г. в печати появились сообщения о том, что агентами одного из иностранных государств турецкому правительству доставлен документ, согласно которому между СССР и Италией будто было заключено соглашение о совместном нападении на Турцию и предположительном разделе ее владений. Советский Союз якобы должен был получить Стамбул и побережье Анатолии, а Италия—всю Малую Азию¹.

¹ См. „Известия“, 28 сентября 1924 г.

Народный комиссариат иностранных дел СССР заявил тогда, что «этот документ—беззастенчивый подлог, и что никакого тайного или явного соглашения на указанный или другой подобный предмет Советским Союзом с Италией никогда не заключалось. Авторы этого подлога очевидно преследовали цель подорвать доверие к нам дружественного турецкого правительства с тем, чтобы осуществить свои темные замыслы»¹.

Накануне подписания советско-турецкого договора в западной прессе снова появились ложные информации. Английские и американские газеты напечатали измышления о якобы заключенном между СССР и Италией соглашении, некоторые пункты которого направлены против интересов Турции. Американская газета «Нью-Йорк Уорлд» даже опубликовала сфабрикованный текст мнимого договора².

С другой стороны, английские правящие круги стремились рассорить Советский Союз и Турцию с соседними с ними странами и, в частности, с Ираном. 8 декабря 1925 г. реакционная английская газета «Морнинг пост» поместила сенсационное сообщение своего тегеранского корреспондента о якобы состоявшемся между Советским Союзом и Турцией секретном соглашении, по которому СССР обязался поддерживать турецкие притязания на Мосул и Персидский Азербайджан, взамен чего анкарское правительство возвратит СССР Карс и Ардаган³.

В своем опровержении ТАСС заявило по этому поводу, что сообщение «Морнинг пост» совершенно не соответствует действительности. «Это лишенное всяких оснований сообщение,—говорилось в опровержении ТАСС,—напоминает недавно имевшую место подобную же попытку ввести в заблуждение общественное мнение Турции, распространением также измышленных сообщений о якобы состоявшемся между Советским Союзом и Италией военном договоре, направленном против Турции»⁴.

Одновременно в английской и французской прессе развернулась провокационная кампания против СССР, который

¹ «Известия», 5 октября 1924 г.

² См. «L'Asie française», Novembre-Décembre 1925, p. 367.

³ См. «Известия», 9 декабря 1925 г.

⁴ Там же.

якобы заключил специальное военное соглашение с Турцией и тем самым поощряет ее непримиримую позицию в мосульском вопросе, желая поживиться на ее же счет.

В интервью, данном парижскому корреспонденту английской либеральной газеты «Дейли ньюс», народный комиссар по иностранным делам СССР Г. В. Чичерин назвал эти сообщения фальсификацией¹.

Подписанием советско-турецкого договора были опровергнуты и рассеяны всякого рода клеветнические измышления в адрес Советского Союза, в частности провокационные сообщения о якобы заключенном между Советским Союзом и Италией соглашении, направленном против интересов Турции.

Подобные измышления отчасти послужили причиной ускорения подписания договора.

После опубликования советско-турецкого договора заместитель народного комиссара по иностранным делам СССР М. М. Литвинов заявил представителям печати следующее:

«Ускорение подписания соглашения отчасти вызвано время от времени появлявшимися, и в последнее время особенно участвовавшими в англо-американской прессе, ложными слухами о якобы имеющемся между СССР и Италией соглашении, направленном против Турции. С другой стороны, Советскому правительству известна была активность некоторых государств, стремившихся вовлечь Турцию во враждебные в отношении СССР комбинации. Подписание соглашения должно положить конец этим тревожным слухам...»².

После опубликования текста советско-турецкого договора в западной печати снова появились ложные сообщения, на этот раз о якобы имеющихся секретных статьях в советско-турецком договоре.

В своем интервью М. М. Литвинов опроверг подобные измышления:

«Считаю нужным категорически заявить, что никаких секретных дополнений к соглашению или протоколов не существует.

¹ „Известия“, 22 декабря 1925 г.

² „Известия“, 24 декабря 1925 г.

Лучшим доказательством мирных тенденций соглашения является готовность Советского правительства заключить аналогичные соглашения со всеми странами, с которыми оно находится в нормальных отношениях»¹.

Предложение Советского правительства заключить аналогичные договоры и с другими странами убедительно показывало мирные намерения СССР, руководствовавшегося целью укрепить свою безопасность и активно содействовать упрочению мира на Ближнем Востоке.

Одновременно это предложение Советского правительства разоблачало в глазах мировой общественности «пацифизм» авторов Локарнских соглашений и вообще тех государств, которые отказывались заключить такие пакты о ненападении.

«Только система заключения соглашений, подобных советско-турецкому, между всеми государствами исключит возможность образования антагонистических друг к другу политических группировок и комбинаций и тем самым будет действительно содействовать предотвращению войн»,—заявил М. М. Литвинов представителям печати².



Турецкая общественность с большим удовлетворением приветствовала советско-турецкий договор. Почти все турецкие газеты поместили передовые, посвященные договору, в которых они высоко оценили его значение для укрепления международного положения турецкой республики и ее безопасности.

Турецкая официальная газета «Хакимети Миллие» 22 декабря 1925 г. писала:

«Европейские договоры о безопасности имеют агрессивный характер и направлены против Востока. Они не проникнуты стремлением к миру... Такое положение вещей заставляет Турцию самостоятельно искать средства, гарантирующие ее безопасность в союзе с государствами, имеющими с ней общие интересы».

¹ «Известия», 24 декабря 1925 г.

² Там же.

На предостережение запада, что, заключая такие соглашения и сближаясь с СССР, Турция ставит под угрозу свою безопасность, газета отвечала следующими словами:

«Тем, кого беспокоит наше сближение с нашими соседями, мы говорим, что это есть только вопрос нашей безопасности»¹.

Эта же газета, опубликовав 24 декабря текст договора, сообщала, что заключение советско-турецкого договора произвело огромное впечатление в Анкаре. В передовой статье «Хакимнети Миллие» подчеркивала, что новый договор не преследует никаких агрессивных целей против какой бы то ни было третьей стороны, но свидетельствует об ориентации Турции на своего могущественного друга, политика которого противоположна политике других держав, объединенных в Лиге наций. Передовая заканчивалась обращением к «третьей стороне»: «Не тревожьтесь, новое соглашение является для Турции вопросом безопасности и благополучия»².

Выходящая в Стамбуле газета «Халк» в номере от 24 декабря по поводу заключения договора особо подчеркивала противоположность политики СССР в отношении восточных народов империалистической политике Англии и Лиги наций.

«СССР становится на нашу сторону. Подписание соглашения является манифестацией против империалистической политики Лиги наций на Востоке»³—писала газета.

Другая стамбульская газета, полуофициозная «Джумхуриет», в ответ на клеветнические измышления Запада в адрес Советского Союза замечала:

«Соглашение опровергает попытки европейской печати внушить мысль, будто СССР участвует в европейских группировках против Турции»⁴.

Выходящая на французском языке «Ля газетт» подчеркивала мысль, что империалистическая политика Англии

¹ Цит. по газ. «Известия» от 24 декабря 1925 г.

² Цит. по газ. «Известия» от 29 декабря 1925 г.

³ Цит. по Архиву МИД СССР, ф. 132, 1925, д. 35, п. 76, оп. 10 л. 373.

⁴ Там же, л. 374.

содействовала закреплению советско-турецкой дружбы и заключению оборонительного блока на случай нападения Англии или ее агентов, а также членов Лиги наций, находящихся в полном повиновении у Англии, на СССР или Турцию¹.

Французское издание «Джумхуриет» газета «Републик» в номере от 24 декабря также поместила передовую статью, посвященную советско-турецкому договору. В ней, в частности, говорилось:

«Слух об итальянско-советском тайном договоре теперь потерял всякое доверие. Заключенный 17 декабря турецко-советский договор положил конец всяким фантастическим кривотолкам. Этот договор имеет очень важное значение. Он доказывает, что здравый смысл, который диктовал обоим государствам необходимость заключить договор дружбы в марте 1921 г. существует и теперь. Тогда оба государства образовали общий фронт против империализма. Общность экономических и политических интересов привела оба государства к тесной дружбе. Таков был смысл договора дружбы в 1921 г. Таков и смысл договора доброжелательного нейтралитета в 1925 году»².

Отмечая, что иностранные круги не отнеслись к этому договору индифферентно и подозревают, что договор содержит кое-что секретное, газета писала:

«Естественно, Европа привыкла вести лицемерную извилистую дипломатию и не может поверить в искренность и правдивость опубликованного договора»³.

Положительную оценку советско-турецкому договору дала и оппозиционная печать. Так, например, газета «Вахыт» в номере от 31 декабря 1925 г. признавала, что «правительство в интересах охраны страны заключило советско-турецкое соглашение»⁴.

Таким образом, отклики в турецкой печати на заключение советско-турецкого договора о ненападении и нейтралитете

¹ Цит. по Архиву МИД СССР, ф. 132, 1925, л. 35, п. 76, оп. 10, л. 374.

² Там же, д. 39, п. 87, оп. 10, лл. 656—657.

³ Там же, п. 77, оп. 10, л. 657.

⁴ Цит. по газ. «Известия» от 3 января 1926 г.

тете отчетливо выявляют ту единодушную оценку, которую дают договору как официозная, так и оппозиционная пресса, подчеркивая его важное значение, своевременность и необходимость такого договора для Турции.

Между тем, как было сказано выше, в современной турецкой исторической литературе и прессе, совершенно игнорируя факты недалекого прошлого, делаются попытки отрицать значение советско-турецкого договора 1925 г. для Турции и доказать, что Турция не нуждалась в нем.



Как же встретила пресса западноевропейских стран — активных членов Лиги наций — заключение советско-турецкого договора?

Англо-французская буржуазная пресса, как ни старалась показать равнодушие к этому событию, невольно выдавала свое беспокойство совершившимся фактом. Общее мнение, которое господствовало в европейской печати, — это, что Советский Союз и Турция не только игнорируют Лигу наций, но и бросили ей вызов.

Английская печать, стараясь скрыть свое враждебное отношение к договору, сначала хранила молчание. Если же газеты кое-что и писали, то только для того, чтобы представить договор как акт, имеющий весьма маловажное значение. Так, например, либеральная «Манчестер гардиан» в номере от 24 декабря писала, что «это просто договор о нейтралитете в случае, если на одну из сторон будет совершено нападение». Однако газета все же нашла необходимым отметить, как «интересный» момент, то обстоятельство, что «договор совершенно отчетливо является договором нейтральной поддержки против всякой попытки Лиги наций помешать каждой из этих держав»¹.

Орган консерваторов газета «Таймс», крайне недовольная появлением нового советско-турецкого договора в момент английского нажима на Турцию, пыталась отрицать его

¹ „The Manchester Guardian“, December 24, 1925.

важность для Турции и внушить мысль, что СССР вряд ли пойдет на ухудшение отношений с Западной Европой¹. С другой стороны газета старалась убедить турок, что они якобы «были вынуждены быть довольными новым политическим договором...».

Близкая к министерству иностранных дел газета «Дейли Телеграф» расценила договор как акт, «имеющий целью дать понять Лиге наций, что обе стороны не признают ее арбитража». В то же время газета вынуждена была признать, что значение договора выходит за рамки совместного протеста против решений Совета Лиги наций.

«Договор представляет совместную демонстрацию обеих стран против Локарнских соглашений»,—констатировала газета.

Одновременно, как бы в предостережение подписавшим договор, «Дейли телеграф» подчеркивала, что «он не облегчит ни Турции, ни СССР вступление в Лигу...»².

Консервативная «Морнинг пост», посвятившая все же этому событию передовую от 7 января 1926 г., всячески старалась преуменьшить значение советско-турецкого договора. Повторяя старую ложь, что у Советской России, как и у царской, постоянная тенденция овладеть Стамбулом и проливами, газета советовала Турции не ставить себя в зависимость от помощи Советского правительства. В то же время «Морнинг пост» лицемерно уверяла, что Англия дружелюбно настроена по отношению к Турции³.

Однако, как бы пресса ни старалась, ей не удалось скрыть беспокойство, которое царило в политических кругах Англии после заключения советско-турецкого договора, перед лицом активной моральной поддержки, оказанной Советским Союзом Турции.

«Главные хлопоты с турками заключаются в том, что позади их стоит Советский Союз. Турецко-советский договор был подписан непосредственно после решения Совета (Лиги

¹ „The Times“, December 24, 1925.

² Цит. по газ. „Известия“ от 30 декабря 1925 г.

³ „Morning Post“, January 7, 1926.

наций) о мосульской границе как бы для того, чтобы напомнить Европе о силе Москвы»,—писал реакционный английский журналист Авгур¹.

Французская же печать, несмотря на заявления о том, что для нее заключение советско-турецкого договора не явилось неожиданностью, гораздо шире освещала это событие.

Официоз министерства иностранных дел газета «Тан» от 23 декабря 1925 г. подчеркивала большую важность советско-турецкого договора. Особое значение газета придавала той части статьи второй договора, где говорилось об обязательстве обеих сторон не входить в соглашения с другими группами держав, которые вели бы враждебную по отношению к одной из договаривающихся сторон политику².

Эта же газета 24 декабря в передовой статье, озаглавленной «Русско-турецкий договор», вынуждена была признать, что заключение договора важное событие, которое «найдет значительный отзвук на всем Востоке». В то же время газета не упускала возможность оклеветать Советский Союз, стремясь убедить Турцию, что советская дипломатия подобно старой царской дипломатии озабочена участью Константинополя и проливов³.

В номере от 26 декабря поместив статью, озаглавленную «Советы и Турция», «Тан» прилагала усилия к тому, чтобы всячески оправдать политику Англии—своего партнера по Лиге наций. В этой статье «Тан» пыталась представить дело таким образом, будто Турция совсем случайно пришла к соглашению с Советским Союзом. Газета писала, что «Турция, неотступно преследуемая страхом быть полностью изолированной, искала политической поддержки, безразлично где, и желала, в частности, мстить за ту несправедливость Лиги наций, жертвой которой она мнит себя»⁴.

Пытаясь объяснить подобными аргументами возникновение советско-турецкого договора о ненападении, газета упускала из виду, что французская пресса (в том числе и

¹ „Fortnightly Review“, № 2, 1926, II, p. 149.

² „Le Temps“, 23 Decembre 1925.

³ „Le Temps“, 24 Decembre 1925.

⁴ „Le Temps“, 26 Decembre 1925.

сама «Тан» от 24 декабря) после опубликования договора не нашла его плодом случайности и что Турция не могла найти поддержку у какой-либо другой великой державы кроме как у Советского Союза. Ведь Франция вместе с Италией обещала Англии свою активную поддержку против Турции, в утешении которой активное участие принимала и французская печать.

Так, например, «Пти Паризьен» накануне подписания договора предупреждала Турцию об опасностях конфликта, который повлечет за собой блокаду берегов Малой Азии, оккупацию Стамбула, возрождение всех старых претензий держав и т. д.

Вместе с тем, беспокойство, вызванное во французской прессе подписанием советско-турецкого договора, выражалось в опасении того действия, которое договор мог оказать на престиж Лиги наций. Констатируя, что договор должен явиться ударом по Лиге наций, правительственная печать выражала свое недовольство политикой своего партнера — Англии, считая ее виновницей совершившегося факта. Так, газета «Эр нувель» 25 декабря писала: «Мы уже указывали здесь на то, что Англия совершает ошибку, идя так далеко в вопросе о Мосуле. События показали нашу правоту»¹. Используя создавшееся (после подписания советско-турецкого договора) положение, газета старалась оказать давление на Англию в сторону смягчения ее политики в отношении Турции. Она обращалась к Англии со следующими словами: «Пусть Великобритания, дружба которой представляет для нас колоссальную ценность, не забывает, что западный мир, если он ограничится только Западом, останется хромым миром»².

Подобные высказывания печати явно выдавали тот страх, который испытывали правящие круги западных держав перед опасностью распространения влияния советско-турецкого договора на другие страны Азии. В то же время это свидетельствовало о наличии серьезных англо-французских разногласий по важным вопросам политики, проводимой ими на Ближнем Востоке.

¹ Цит. по журн. «Международная жизнь», 1926, №2, стр. 141.

² Там же.

Таким образом, отклики в английской и французской прессе на заключение советско-турецкого договора о ненападении и нейтралитете свидетельствовали о том, что пражские круги Англии и Франции—государств, диктовавших свою волю Лиге наций, потерпели поражение, не сумев предотвратить сближение СССР и Турции, ибо, в противовес агрессивной политике, проводимой ими через Лигу же, создавалось новое средство борьбы с империалистической агрессией, за сохранение мира и безопасности. Газета «Известия» по поводу подписания советско-турецкого договора в статье «Антилокарно» писала: «Так вне Лиги наций, помимо Лиги и вопреки политике Лиги, узаконяющей грабеж и насилие сильных государств над слабыми, народы СССР и Востока, руководствуясь исключительно мирными намерениями и чуждые захватнических планов, регулируют свои отношения в интересах культуры и прогресса. В этом урок для всех тех народов, правительства которых полагают, что может быть другой путь к разрешению проблемы международных отношений, кроме пути отрицания «Локарно»¹.



Советско-турецкий договор 1925 г. явился первым договором о ненападении и нейтралитете, заключенном Советским правительством с капиталистическими государствами после подписания Локарнских соглашений. Этим договором Советский Союз первым вышел на мировую политическую арену с проектом пактов о ненападении и неучастии во враждебных группировках и тем самым впервые ввел в международную практику эту новую форму договорных отношений между государствами с различным экономическим и политическим строем. «Заключение советско-турецкого договора, — как правильно отмечают П. Моисеев и Ю. Розалиев, — выходило далеко за рамки отношений между двумя странами, так как договор вводил в международную практику систему двусторонних пактов о нейтралитете и не-

¹ «Известия», 24 декабря 1925 г.

нападении и содействовал обеспечению мира на всем Ближнем и Среднем Востоке»¹.

Советско-турецкий договор 1925 г. послужил хорошим примером для соседних с СССР и Турцией государств. Вслед за советско-турецким последовали аналогичные турецко-иранский договор в апреле 1926 г., затем советско-афганский договор от 31 августа 1926 г., советско-иранский договор от 1 октября 1927 г. Все эти договоры усиливали безопасность подписавших их и имели важное значение для сохранения мира на Ближнем и Среднем Востоке.

К поискам новых форм соглашений с соседними государствами для обеспечения всеобщего мира и ограждения безопасности советских границ Советский Союз побудила сложившаяся в 1925 г. международная обстановка. Хотя капиталистические государства Западной Европы и США, потерпев поражение в интервенции против СССР, вынуждены были изменить свою тактику по отношению к стране социализма, в это время открыто выявилась тенденция к созданию общего антисоветского фронта. Ярким выражением подобных намерений капиталистических держав явились подписанные в октябре 1925 г. Локарнские соглашения (так называемые «гарантийные пакты»), имеющие определенную антисоветскую направленность.

Являясь единственной социалистической державой, Советский Союз принял меры к тому, чтобы добиться соглашения с окружающими его капиталистическими государствами и обязательства со стороны последних воздержаться от нападений на него, а в случае нападения какой-нибудь третьей стороны—придерживаться политики нейтралитета. Таким образом, договоры о ненападении и нейтралитете суживали антисоветский блок, препятствовали попыткам капиталистических государств сколотить антисоветские группировки и тем самым содействовали упрочению всеобщего мира.

Борьба СССР против создания агрессивных группировок капиталистических государств имела большое международное значение, ибо в срыве империалистических планов

¹ П. Моисеев, Ю. Розалиев. К истории советско-турецких отношений. Госполитиздат, М., 1958, стр. 39.

были заинтересованы народы не только Советского Союза, но и тех стран, которые вовлекались в подобные комбинации.

Договоры о ненападении способствовали также разоблачению перед мировой общественностью агрессивной политики империалистических держав, которые, не отваживаясь пойти на заключение таких пактов, ясно давали знать, что они не хотят связать себе руки на случай, если можно будет ввергнуть народы в новую войну.

В условиях отказа всех капиталистических держав от политики коллективной безопасности договоры о ненападении и нейтралитете, заключенные Советским Союзом, являлись тогда наиболее эффективным дипломатическим оружием в борьбе за сохранение мира и безопасности.

Важность нового миролюбивого выступления советской дипломатии вынуждены были признать в капиталистической прессе даже самые тенденциозные авторы.

Как выше указывалось, американский профессор Н. Грэхэм в большой статье, озаглавленной «Советская система безопасности», признает, что пакты о ненападении и нейтралитете, исходящие от Советского правительства, в отличие от агрессивного духа Локарно, преследовали мирные цели. В статье говорится, что «основным принципом таких соглашений было желание сократить возможности агрессии»¹. Новая советская формула безопасности, состоящая из трех слов: невмешательство, ненападение, нейтралитет, будучи скрепленной различными гарантиями, нанесла удар прямо по сущности системы Локарно с его интервенционистским, принудительным и воинствующим характером,—пишет далее автор². Он особо подчеркивает, что «идея предварительного согласования постоянной позиции двух государств в отношении друг друга в виде открытого и нерушимого нейтралитета была фактором борьбы за упрочение международных отношений...»³.

¹ См. *Malbone W. Graham, The Soviet Security System, „International Conciliation“, September 1929, № 252, p. 360.*

² Там же, стр. 361.

³ Там же.

Американский историк Гарри Говард в крайне необъективной и тенденциозно написанной книге все же отмечает, что советско-турецкий договор «усилил безопасность как Турции, так и России»¹.



Советско-турецкий договор 1925 г. был несколько раз пролонгирован и дополнен Анкарскими протоколами в декабре 1929 г.

Однако в дальнейшем и в особенности накануне и в годы второй мировой войны турецкое правительство, отойдя от принципов советско-турецкого договора, неоднократно нарушало как его дух, так и букву. Учитывая это, Советское правительство 19 марта 1945 г. денонсировало советско-турецкий договор 1925 г. со всеми относящимися к нему протоколами и актами, как утративший свое значение.

Политика подлинного нейтралитета и в наши дни играет важную роль в деле укрепления всеобщего мира и безопасности народов. Такие нейтральные государства Азии и Африки, как Индия, Индонезия и другие вносят свой достойный вклад в дело сохранения и упрочения мира.

Однако правящие круги современной Турции, отказавшись от политики нейтралитета, целиком подчинили страну агрессивной политике империалистов. Турецкое правительство, возглавляемое демократической партией ведет антинациональную реакционную внутреннюю и внешнюю политику и не проявляет желания установить нормальные отношения с Советским Союзом, оказавшим Турции поддержку в самые трудные для нее времена.

Группа общественных деятелей Турции издала прокламацию, озаглавленную «Нейтральная и независимая Турция», в которой говорилось: «Американцы пришли и возвели военные базы постепенно по всей стране. Они подготавливают Турцию к войне против ее великого соседа Советского Союза... Турецкий народ нуждается в мире, в том, чтобы жить

¹ *Harry N. Howard, The Partition of Turkey. A Diplomatic History 1913—1923, Oklahoma, 1931, p. 342.*

спокойно. Только нейтралитет может нам обеспечить мир, спокойствие и безопасность. Если мы будем нейтральными, мы сможем вести действительно миролюбивую политику. Миллиарды лир, которые мы тратим в настоящее время на армию, мы будем расходовать на поднятие жизненного уровня нашего народа, его культуры, его благосостояния».

Турецким правящим кругам следовало бы прислушиваться к здоровым голосам, требующим нормализации и улучшения советско-турецких отношений.

Խ. Գ. ՍԱՀԱԿՅԱՆ

ՍՈՎԵՏԱ-ԹՈՒՐԿԱԿԱՆ 1925 Թ. ՊԱՅՄԱՆԱԳՐԻ ՀԱՐՑԻ ՇՈՒՐՋԸ

Ա Մ Փ Ձ Փ Ո Ւ Մ

Սովետա-թուրքական հարաբերությունների պատմությունը հատուկ ուսումնասիրության առարկա չի դարձել սովետական պատմաբանների կողմից, իսկ թուրքական և արևմտյան պատմական գրականության մեջ այն բացահայտ ֆալսիֆիկացիայի է ենթարկվում: Ներկա հոդվածում լուսաբանվում է մի էջ սովետա-թուրքական հարաբերությունների պատմությունից՝ 1925 թ. դեկտեմբերի 17-ի «Զեդդեության և չհարձակման մասին» սովետա-թուրքական պայմանագիրը: Արխիվային նյութերի, մամուլի և գրականության ուսումնասիրության հիման վրա փորձ է արված գնահատելու հիշյալ պայմանագիրը, ցույց տալու նրա կարևորությունը Սովետական Միության և Թուրքիայի միջև հարաբերությունները ամրապնդելու և Մերձավոր Արևելքի շրջանում խաղաղությունն ու անվտանգությունը պահպանելու գործում: